

"Ты здесь либо для того, чтобы получить уроки кендзюцу, либо для того, чтобы получить ответы на вопросы", - почти беззаботно говорит рыжий, прислоняя катану к дереву и беря в руки бутылку воды. Он проглатывает несколько глотков, а затем со вздохом облегчения выливает остатки на голову. Его волосы, собранные в высокий хвост, мотаются туда-сюда, пока он стряхивает воду с глаз и добавляет: "Мне почему-то кажется, что ты хочешь получить ответы, каким бы веселым ни было кендзюцу".

Сасукэ не тренировался ради удовольствия с той ночи, когда Итачи убил его клан. Он молча скрещивает руки на груди и смотрит на мужчину самым ожидающим взглядом.

Двоюродный брат Наруто просто улыбается ему, легко и свободно, и опускается на землю, начиная разминку. "Я встречал нескольких Учиха, - охотно говорит он. "Твой брат был одним из них, и я признаю, что он очень хорошо играл злодея. Но сердце - забавная штука, и если у тебя достаточно опыта, то легко заметить, когда в поступках человека нет сердца. Итачи показался мне таким, и я немного покопался".

"Почему?" Сасукэ требует, чтобы слово вырвалось из его горла прежде, чем он успеет его остановить. Он скрежещет зубами от досады, но ярость, бьющаяся в его крови, с легкостью преодолевает этот блок. "С чего бы тебе беспокоиться?"

Рыжеволосый мужчина долго смотрит на него, его голубой взгляд неподвижен. Затем он вздыхает и опирается на руки, обращая свой взор на собирающиеся над ними облака. "Из-за того, что он сделал с тобой", - наконец произносит он. "Потому что я знаю, каково это - быть преданным человеком, которого ты любишь больше всего на свете, но все равно продолжать любить его".

Сасукэ хочет отрицать, что и сейчас любит своего брата, хочет кричать, вопить, рвать на части за то, что он вообще о таком думает, но голос застревает где-то в груди, и он не может даже начать говорить.

Рыжеволосый Кур, похоже, все же услышал возражения, потому что слабо и грустно улыбнулся Сасукэ. "У всего есть много сторон", - почти ласково говорит он. "Ты знаешь одну, Сасукэ-кун, но что ты будешь делать, если есть и другие?"

Он дрожит, оцепенело осознает Сасукэ. По нему пробегает мелкая дрожь, сотрясая его с ног до головы, и это смешно, потому что Сасукэ не дрожал от одних только слов с той залитой кровью ночи полдесятка лет назад. Он стал сильнее, может быть, не настолько, чтобы убить брата, но все же сильнее, и это не должно...

Сасукэ медленно опускается на землю и, пытаясь держать себя в руках, запускает руки в ткань штанов.

"Он все равно убил их", - почти бессознательно произносит он. "Даже если у него была причина, он все равно убил их всех. Я не могу..."

Тонкие сильные пальцы осторожно обхватывают его шею, и Курама тянет его вперед, позволяя Сасукэ прижаться лбом к его плечу. Голая кожа теплая, а линии печатей вблизи почти головокружительны. "Я знаю, - шепчет Курама, и Сасукэ кажется, что он действительно знает. "Он твой брат, но он все равно совершил нечто ужасное и непростительное. Он отнял у тебя все, и, независимо от его доводов, это было неправильно. Прости меня, Сасукэ".

Эти три слова Сасукэ слышал бесчисленное количество раз с той ночи, их снова и снова повторяли глупые и подхалимские ублюдки, которые просто хотели получить шанс повлиять на последнего Учиху, его состояние и власть. Но из уст этого человека, с его шрамами, потерянной деревней и вечной улыбкой, это звучит почти честно. Это звучит почти по-настоящему.

Сасукэ не отстраняется, даже когда Курама осторожно обхватывает его за плечи и проводит осторожными пальцами по волосам. От джоунина пахнет потом, металлом и слабым намеком на горный ветер - совсем не так, как от всех, кто когда-либо держал Сасукэ на руках, но это... успокаивает. Курама - не Учиха, и Сасукэ почему-то не хотел, чтобы он им стал. Достаточно просто быть Узумаки Курамой.

На мгновение на поляне, где нет никого, кроме них двоих, Сасукэ чувствует, что может дышать полной грудью, без груза ненависти, который тянет его вниз. Он делает вдох, затем еще один, как огонь в горле, и закрывает глаза. Рука Курамы ложится на его волосы, нежная и добрая, и Сасукэ закрывает глаза, стараясь удержать это чувство. С той кровавой ночи он стал мстителем, жил только для того, чтобы убить человека, которого когда-то любил больше всех, и он устал. Одна только мысль о том, что может существовать причина, которой он не знает, объяснение уничтожения всего его мира, заставляет его чувствовать пустоту и боль внутри.

Он любит Итачи, но ненавидит его.

Ему не нужна причина, но она есть.

(Он хочет этого больше всего на свете.)

(Он никогда не хотел ничего меньшего.)

Сасукэ не плачет, не фыркает, даже не шевелится, но Курама знает горе Сасукэ, когда видит его. Мальчик не отстраняется от объятий Курамы, но остается в его руках с невысказанной и неосознанной благодарностью. Курама тоже ничего не говорит, просто держит его так, как никто не держал с той ночи пять лет назад.

Он верг мир Сасукэ в смятение и знает об этом, знает, как подобные вещи влияют на мальчика, который никогда не смотрел на резню иначе, чем на трагедию, устроенную одним человеком. Сасукэ никогда не винил Итачи, и Курама знает, что даже если Итачи признают

невиновным, Сасукэ придется пройти очень, очень долгий путь, прежде чем он сможет простить своего брата.

Но это не страшно. Медленное движение к прощению гораздо лучше, чем если бы у него без предупреждения отобрали все шансы на него. По крайней мере, здесь есть небольшой шанс на возвращение Итачи и больший - на его выживание; пока это остается неизменным, Курама будет доволен.

(Он всегда знал, как сильно Сасукэ - и тот Сасукэ, и этот - поклонялся этому человеку, но, тем не менее, не может заставить себя уважать Итачи. Возможно, ему предоставили множество плохих вариантов, а хороших не нашлось, возможно, его загнали в угол, из которого нет выхода, но все же. Убить весь свой клан, невзирая на не слишком разумную помощь Обито, добровольно убить стольких людей - Курама не может его за это любить. Конечно, конечно, был другой выбор. Наверняка можно было сделать другой выбор, который не разбил бы Сасукэ на множество осколков).

Сасукэ издаёт слабый вздох, и Курама крепко сжимает его руку, притягивая ещё ближе. Тело, прижатое к нему, такое тонкое и хрупкое, еще не сформировавшееся детское, и Кураме трудно соединить этого скорбящего мальчика с сильным и стойким человеком, которого он оставил. Большая часть его сердца принадлежит его Сасукэ, мертвому и навсегда ушедшему, но...

Но остались и другие кусочки, пусть и меньшие. Наруто уже забрал несколько, Генма и Райдо, Сандайме и Югао, а также Сакура и Какаши. Будет правильно, если этот Сасукэ, не похожий на других, получит свой кусочек.

"Сегодня переночуй у меня", - предлагает Курама по своей прихоти. Он чувствует, как Сасукэ напрягается в его руках, и усмехается, потому что его Сасукэ или нет, но мысли, скрывающиеся за этими острыми темными глазами, угадать достаточно легко. "Это не жалость, Сасукэ-кун. Мой лучший друг во всем мире был Учихой, и я знаю, что он бы не одобрил, если бы ты жил в этом комплексе один. Только на эту ночь отнесись ко мне с пониманием и позволь уважать его желание. Обещаю, я даже не буду готовить рамен на ужин".

Сасукэ хмыкает, но не отстраняется, и его лоб по-прежнему упирается в плечо Курамы. Долгое время не слышно ни звука, а потом он что-то бормочет. Вполне вероятно, что Курама не должен был его слышать, но ушные раковины все равно улавливают его.

"Рамен... не так уж плох".

Курама усмехается про себя, испытывая облегчение и удовлетворение, а также небольшой триумф. Действительно, не так уж плохо.

<http://tl.rulate.ru/book/100817/3458548>